

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.5>

Борисова Ирина Михайловна

КУРСИВ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА "ОТЦЫ И ДЕТИ"

В статье впервые рассматривается курсив как средство графического оформления в романе И. С. Тургенева "Отцы и дети". Предпринятый анализ позволил выделить и описать самые распространённые функции курсива в данном произведении. Автор статьи стремится проследить взаимосвязь курсива с другими компонентами поэтики. Особое внимание уделяется изучению роли курсива в сюжетно-композиционной организации текста и в его образной системе. В результате обосновывается мысль, что возможности курсива направлены писателем на раскрытие основного, общественно-политического конфликта, а также на выражение авторских симпатий к своим персонажам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 25-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

и вариативные интенции и выявляя невидимые прежде смысловые корреляты. Анализировать текст рассказа как цельный и единый вряд ли верно и перспективно с научной (и художественной) точки зрения.

Список источников

1. **Алейников О. Ю.** Агиографические мотивы в прозе Платонова о Великой Отечественной войне // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 144-145.
2. **Андрей Платонов. Мир творчества** / сост. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994. 432 с.
3. **Дужина Н.** «Постоянные идеалы» Андрея Платонова во второй половине 1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 35-47.
4. **Икона «Взыскание погибших»** [Электронный ресурс]. URL: <https://pravgolos.ru/ikona-vzyiskanie-pogibshih-znachenie-v-chem-pomogaet/> (дата обращения: 19.05.2019).
5. **Колесникова Е. И.** Малая проза Андрея Платонова. Контексты. Художественные константы. Принципы публикации. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. 496 с.
6. **Платонов А.** Взыскание погибших [Электронный ресурс]. URL: <http://poesias.ru/proza/platonov-andrey/platonov10000.shtml> (дата обращения: 19.05.2019).
7. **Платонов А.** Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Время, 2010. Т. 5. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941-1945 годов. 367 с.
8. **Проскурина Е. Н.** Рассказ А. Платонова «Взыскание погибших»: духовный и автобиографический контекст // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 90-95.
9. **Скобелев В. П.** «Воскрешающая любовь к смертным» (от «Фро» к «Реке Потудань» и «Возвращению»: из наблюдений над поэтикой новеллы) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 621-628.
10. **Спиридонова И. А.** Взыскание погибших в творчестве А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 194-213.
11. **Спиридонова И. А.** Икона в военных рассказах А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 343-350.
12. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. 984 с.

**IDEOLOGICAL AND STRUCTURAL STRATIFICATIONS
IN A. PLATONOV'S SHORT STORY "IN SEARCH OF THE PERISHING"**

Bogdanova Olga Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
olgabogdanova03@mail.ru

In the paper, new perspectives on the consideration of Andrei Platonov's war short story "In Search of the Perishing" ("Mother") are presented. It is shown that the text of this well-known short story is actually not uniform and not much canonical since it was created in several stages and consists of various textual stratifications that are associated with the time when the story was written (Soviet and war), and it was mediated by the writer's multidirectional intents. The author of the article identifies the heterogeneous and extrinsic strata of the text, actually "clears up" a short story in the short story, which makes us take a fresh look at the interpretation of the "canonical" text, its hagiographic motives and Christian concepts-symbols including the iconographic name (after the miracle-working icon "In Search of the Perishing").

Key words and phrases: Russian prose; Andrei Platonov; short story "In Search of the Perishing" ("Mother"); narrative strata.

УДК 82.0

Дата поступления рукописи: 09.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.5>

В статье впервые рассматривается курсив как средство графического оформления в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Предпринятый анализ позволил выделить и описать самые распространённые функции курсива в данном произведении. Автор статьи стремится проследить взаимосвязь курсива с другими компонентами поэтики. Особое внимание уделяется изучению роли курсива в сюжетно-композиционной организации текста и в его образной системе. В результате обосновывается мысль, что возможности курсива направлены писателем на раскрытие основного, общественно-политического конфликта, а также на выражение авторских симпатий к своим персонажам.

Ключевые слова и фразы: И. С. Тургенев; роман «Отцы и дети»; графика художественного произведения; средство графики; курсив; шрифтовое выделение; функции курсива.

Борисова Ирина Михайловна, к. филол. н., доцент
Оренбургский государственный университет
iragridneva7611@mail.ru

КУРСИВ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

В последнее время учёные всё больше проявляют интерес к вопросам графики художественных произведений. Один из них – применение поэтами и писателями курсивных маркеров в тексте. Курсив – наклонный

шрифт, являющийся средством графики, с помощью которого, на наш взгляд, проявляется творческая индивидуальность автора. В связи с этим **актуальность** данной работы заключается в том, что здесь рассматривается использование курсива в прозе одного из крупнейших писателей-реалистов – Ивана Сергеевича Тургенева. **Научная новизна** обосновывается следующим фактом: среди выявленных исследований по курсиву и поэтике романов И. С. Тургенева (Г. А. Бялый, Т. Б. Курляндская, А. И. Батюто, Ю. В. Лебедев, В. М. Маркович, Ю. В. Манн, С. М. Петров, П. Г. Пустовойт и др.) мы не обнаружили работ, в которых бы рассматривался вопрос о функционировании данного шрифтового средства в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Хотя на сегодняшний день существуют работы о курсиве в поэзии А. С. Пушкина [3], Н. А. Некрасова [1], а также в прозе Ф. М. Достоевского [5; 10], Л. Н. Толстого [4], А. П. Чехова [2], А. Белого [9] и других.

Цель нашего исследования – выделить все курсивы в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» и проанализировать их место и роль в художественном мире произведения, учитывая наработки предыдущих исследователей. Для достижения этой цели необходимо решить ряд **задач**: выявить и подсчитать курсивные выделения; обнаруженный материал рассмотреть с точки зрения функций, соотношения с сюжетно-композиционной организацией романа, а также роли курсивного шрифта в характеристике образной системы произведения писателя. Исследование проведём с опорой на текст романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» в академическом издании [8].

В данном тексте нами обнаружено 88 случаев курсива. В аспекте функций нам удалось выделить наиболее распространённые роли этого графического средства в романе «Отцы и дети». Проанализируем подробнее. Во-первых, это функция маркирования характеристики персонажей, предметов и явлений, то есть подчёркивание характеристик внутреннего и внешнего облика, состояний и действий героя, его реакции на повороты судьбы, его отношения к людям, природе, жизни. При этом характеристика может даваться как автором, так и самими персонажами, к примеру: «Кажется, я всё делаю, чтобы не отстать от века: крестьян устроил, ферму завёл, так что даже меня во всей губернии *красным* величают...» (речь Николая Петровича [Там же, с. 45]); «Базаров, сам того не подозревая, сделался *жестоким тираном* её души» [Там же, с. 135]; «Павел Петрович похудел, что, впрочем, придавало ещё больше изящества и *грансеньюристства* его выразительным чертам...» [Там же, с. 184]. Или, например, Кукшина считает себя «яркой» нигилисткой и пытается убедить в этом всех окружающих, но нигилист – человек, отрицающий всё: он не верит ни в Бога, ни в дьявола: «Госпожа Кукшина *роняла* свои вопросы один за другим, с изнеженной небрежностью, не дожидаясь ответов; избалованные дети так говорят со своими няньками» [Там же, с. 64]; «Слава богу, я свободна, у меня нет детей... Что я сказала: *слава богу!* Впрочем, это все равно» [Там же, с. 65]. Тургенев намеренно выделяет курсивом фразу «*слава богу!*», он обличает Кукшину в стремлении быть «человеком времени». Кукшина с такой же небрежностью роняет хвалу, обращенную к Богу, с какой роняла свои вопросы. Здесь курсив помогает распознать истину, раскрыть внутренний мир персонажа.

Во-вторых, курсив в романе используется в функции маркирования речевой характеристики, то есть выделения особенностей произношения или речи какого-либо персонажа. Тургенев даёт речевую характеристику и отдельным персонажам, и целым классам общества. По произношению можно определить, к какому классу относится герой: к просвещенной молодежи, к образованным или необразованным дворянам. Например: «Он совсем ооченел от глупости и важности, произносит все *e* как *ю*: *тюпюрь, обюспючюн*, но тоже женился...» (о Петре [Там же, с. 186]); «...не удовлетворяет вполне ни дворян образованных, говорящих то с шиком, то с меланхолией о *манципации* (произнося *ан* в нос), ни необразованных дворян, бесцеремонно бранящих “евту *муниципацию*”» (о Николае Петровиче [Там же]). Или в речи Павла Петровича: «Я *эфтим* хочу доказать, милостивый государь...» [Там же, с. 47] два раза курсивом выделяется слово «*эфтим*», после чего повествователь даёт подробный комментарий о том, что такое произношение у героя было, когда он сердился, и откуда пошло такое употребление слова. И даже в самом комментарии Тургенев ещё два раза подчёркивает это слово курсивным шрифтом: «...употребляли одни – *эфто*, другие – *эхто*: мы, мол, коренные русаки, и в то же время мы вельможи...» [Там же]. Очевидно, что функция курсива, заключающаяся в маркировании речевой характеристики, тесно связана с функцией характеристики персонажей и затрагивает одну её сторону – произношение, но это не значит, что она менее выразительна, так как речь героев является важным элементом при понимании их облика.

В-третьих, курсив в романе Тургенева выполняет функцию маркирования названий, которая тоже согласуется с функцией характеристики персонажей, потому что представлена в основном выделением книг и журналов, которые читают герои. Как нельзя точно мировоззрение персонажей передается в выбранных ими книгах. Можно сказать, что книга – зеркало души героя. Как общество поделилось на «отцов» и «детей», так и книги стали представителями «старого» и «нового» мира. К примеру: «Он держал в руках последний номер *Galignani*, но он не читал...» (о Павле Петровиче [Там же, с. 21]); «Павел Петрович взял с комода замасленную книгу, разрозненный том *Стрельцов* Масальского, перевернул несколько страниц...» [Там же, с. 37]; «Впрочем, вы можете прочесть *Pelouse et Fremy, Notions generales de Chimie*; книга хорошая и написана ясно» (речь Базарова [Там же, с. 89]). Павел Петрович – представитель «отцов», консерватор; книга, которой он отдал предпочтение, – исторический роман. История – это прошлое, то, что нельзя изменить, «застывшее время». Павел Петрович тоже не приемлет никаких перемен в жизни. Базаров – человек науки, отсюда его пристрастие к книгам из раздела физики, химии, медицины. Книги многое могут рассказать о своем хозяине, поэтому Тургенев прибегает к такой скрытой характеристике своих героев.

В-четвёртых, курсив используется писателем в функции выделения «чужого слова». «Чужое слово» (по терминологии М. М. Бахтина) – это либо иноязычное слово, либо заимствованная речь у другого

персонажа, это может быть цитата другого автора, вкрапленная в текст. Почти во всех своих романах Тургенев применяет подобное выделение, но больше всего курсивное маркирование «чужого слова» встречается в романе «Отцы и дети». С помощью курсива автор часто выделяет иноязычные слова и выражения, для маркирования которых Тургенев использует не только латиницу, но и кириллицу, например: «Ты славный малый; но ты всё-таки мякенький, либеральный барич – э *волату*, как выражается мой родитель» (речь Базарова [Там же, с. 169]); «Василий Иванович опомнился. – Здесь, здесь, пожалуйста за мной, *вертестер герр коллега*, – прибавил он по старой памяти» [Там же, с. 181]; «Павел Петрович отрывисто сказал ему: *bon soir*, и ушел к себе в кабинет» [Там же, с. 54]. Автор выделяет французское слово, чтобы подчеркнуть в Павле Петровиче черту консерватора всё говорить по-французски или на иностранный манер. В романе курсивом маркируется и такой вид «чужого слова», как «внутренняя цитата» (наш термин [1, с. 137]. – И. Б.), когда в речи одного героя слышится речь другого: «...здешние крестьянские мальчишки, вместо какой-нибудь старой песни, горланят: *Время верное приход и т, сердца чувству и т любовь...* Вот тебе и прогресс» [8, с. 172]. В этой фразе выражено ироничное отношение Базарова к прогрессу. На протяжении 27 предыдущих глав мы видели, что Евгений считал размышления о прогрессе пустым занятием, а здесь он подтверждает свои воззрения на примере крестьянских мальчишек, для которых весь прогресс заключался в новых песнях. Ведь, как известно из примечаний, в фольклорных песенниках «конца XVIII – первой половины XIX века... такая песня не зафиксирована. Однако зачин ее, быть может, собственно тургеневского сочинения, пародийно напоминает зачины “старых песен”» [Там же, с. 467-468].

И, наконец, в-пятых, курсив в романе «Отцы и дети» выполняет функцию маркирования «условного понятия», то есть выделение слов, лишенных определенных понятий (в большинстве случаев это местоимения):

«– Сознайтесь, что вы немножко *ее* боитесь.

– Кого?

– *Ее*, – значительно повторил Аркадий.

– А вы? – в свою очередь спросила Катя.

– И я; заметьте, я сказал: *и я*» [Там же, с. 156].

Курсив в функции «условного понятия» способствует выделению внутрифразового ударения: «В самом деле? Знаете, я бы очень желала знать, о чем *вы* думаете?» (речь Одинцовой [Там же, с. 96]). Так автор пытается поставить эмоциональное ударение на одно слово, сделать его центром фразы, завязать вокруг него весь смысл предложения. Кроме того, курсив содействует выделению способа обращения: «Дуняша, – кликнула она, – принесите Митю (Фенечка всем в доме говорила *вы*)» [Там же, с. 36]. Федосья Николаевна – бывшая крепостная. Она привыкла относиться ко всем с уважением, поэтому для неё неприемлема другая форма обращения, кроме как «*вы*». Такие случаи чаще всего встречаются при подчеркивании обращений «*ты*» и «*вы*». Это можно объяснить тем, что Тургенев пытается заострить внимание читателя на взаимоотношениях героев и их характерах.

В наших предыдущих исследованиях мы неоднократно отмечали тесную взаимосвязь курсива с разными элементами поэтики художественного текста. Относительно романа «Отцы и дети» тоже можно говорить не только о функциях этого средства графики, но и о его соотношении с сюжетно-композиционной организацией произведения. Данный анализ позволил сделать интересные наблюдения над курсивными выделениями в романе Тургенева. Распределив 88 случаев курсивов по всем элементам сюжета, мы увидим следующую картину: экспозиция – 0%, завязка – 31%, развитие событий – 27%, кульминация – 7%, развязка – 23%, эпилог – 12%. Рассмотрим подробнее.

Экспозиционная часть (1-3 главы), где только намечаются время и место действия, определяются главные герои романа, не содержит ни одного курсива. Мы связываем это с тем, что по большей части шрифтовые выделения в романе Тургенева так или иначе подчёркивают характеристики героев, их поступков, окружения – всё это не характерно для экспозиции.

Наибольшее количество случаев приходится на завязку, когда зарождаются будущие конфликты, а в романе «Отцы и дети» их три: основной (общественно-политический), любовный и внутренний конфликт Базарова. Завязка основного конфликта приходится на 4-11 главы, внутреннего конфликта – на 12-13 главы, а любовного – на 14 главу. По нашим подсчётам, курсив значительно преобладает в завязке основного конфликта (70% от всех курсивов в завязке сюжета). И это соотносится с замыслом Тургенева, который хотел раскрыть глубокие противоречия между поколениями и попытаться ответить на социально-психологические, нравственные и философские вопросы своего времени. Для раскрытия основного конфликта писатель направил все сюжетно-композиционные средства. Теперь мы видим, что это ещё и средство графики – курсив.

Достаточно большое количество курсивов встречается в таком элементе сюжета, как развитие действия. В 15-17 главах происходит развитие любовного и внутреннего конфликтов, в 20-23 главах – развитие внешнего конфликта. Это предсказуемо, поскольку именно здесь происходит раскрытие конфликтов и персонажей, на что и нацелены курсивы, выполняющие функции, связанные с характеристикой героев.

Кульминационные события любовного и внутреннего конфликтов приходятся на 18 главу, а основного конфликта – на 24 главу. Здесь шрифтовых выделений очень мало, так как, на наш взгляд, автору важнее показать решающие события, обстоятельства и поступки, чем давать им характеристику и маркировать с помощью графики.

Относительно развязки можем отметить, что курсивы встречаются в 25-26 главах (развязка основного конфликта) и 27 главе (развязка внутреннего конфликта), а вот в 19 главе (развязка любовного конфликта)

они отсутствуют. Значит, шрифтовое выделение в развязке, как и в завязке, подчёркивает авторскую позицию, что важнее результаты общественно-политического и внутреннего конфликтов, чем любовного.

В эпилоге (28 глава) не так много курсивов, но они используются в функциях, связанных с характеристикой героев. И это не случайно, потому что здесь повествуется о жизни героев после смерти Базарова, после основных событий романа.

Анализ нашего материала в соотношении с пространственной организацией позволил увидеть ещё одну закономерность. Действие романа происходит в основном в имении Кирсановых, в имении Одинцовых, в деревне родителей Базарова и в городе ***. На данные пространственные реалии приходится 43%, 27%, 21% и 9% случаев курсивов соответственно. Очевидно, что большинство курсивов встречается в тех главах, где события разворачиваются в имении Кирсановых. Это ожидаемо, поскольку именно здесь развивается основной конфликт.

Выше мы неоднократно упоминали важную роль курсива в характеристике героев романа «Отцы и дети». В связи с этим необходимо отметить, что курсивные выделения применяются в характеристиках следующих героев: Базаров – 25% случаев, Павел Кирсанов – 24%, Аркадий – 10%, а у остальных – по 1-4%. Известно, что основные споры в романе разгораются именно между Евгением Базаровым и Павлом Кирсановым. Они же являются главными героями произведения и составляют ядро ведущего конфликта. Значит, Тургенев с помощью курсива дополнительно подчёркивает особую роль этих героев в развитии сюжета.

Здесь примечательна ещё одна особенность. Относительно Базарова, в подавляющем большинстве случаев курсив встречается в речи самого героя: «Слово *обаяние* употребительнее в подобных случаях, – перебил Базаров; кипение желчи слышалось в его спокойном, но глухом голосе» [Там же, с. 166]. А с Павлом Кирсановым ситуация прямо противоположная: курсив преимущественно появляется в речи повествователя, характеризующего героя: «Он переносил свой, как он выражался, *плен* довольно терпеливо...» [Там же, с. 150]. Как видим, Тургенев по принципу антитезы использует возможности курсива. И всё это не случайно, ведь ведущий художественный приём в данном романе – антитеза – мы можем наблюдать в названии произведения, в противопоставлении семей Кирсановых и Базаровых, в сопоставлении образов, в идейном противостоянии, в контрастных чертах одного и того же персонажа. Курсив, встречающийся в речи самого Базарова, подтверждает фразу Тургенева: «Базаров все-таки подавляет все остальные лица романа» [7]. Автор тем самым показывает свою симпатию к герою; к Павлу Кирсанову, наоборот, ироничное, насмешливое отношение. Так с помощью графики – курсива – маркируется позиция писателя.

Однако не всё так однозначно. Если проследить динамику появления курсивов, связанных с образами Евгения Базарова и Павла Кирсанова, то мы увидим, что первый и последний курсивы в романе подчёркивают характеристики Павла (4 и 28 главы). С одной стороны, Тургенев прямо выражает негативное отношение к Павлу, а с другой – косвенно с помощью курсивов маскирует своё уважение к нему. В одном из писем Тургенев отмечал: «...со времен древней трагедии мы уже знаем, что настоящие столкновения – те, в которых обе стороны до *известной степени* правы» [6]. Значит, автор стремится быть объективным к своим героям и использует для этого разные средства, в том числе графические.

Таким образом, проведённый анализ показал, что курсив в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» выполняет функции маркирования: а) характеристики персонажей, предметов и явлений; б) речевой характеристики; в) названий; г) «чужого слова»; д) «условного понятия». Появление курсива в произведении тесно взаимосвязано с сюжетно-композиционной организацией: возможности графики автор направляет на раскрытие основного, общественно-политического, конфликта, подчёркивая с её помощью свою позицию. Выделение курсивным шрифтом характеристик персонажей служит дополнительным способом выявления авторских симпатий и определения места героев в образной системе. На наш взгляд, Тургенев предстает как писатель, в совершенстве владеющий данным графическим приёмом, умело и оригинально использующий его выразительные возможности. Это свидетельствует о том, что курсив является ярким проявлением поэтики романа писателя.

Список источников

1. **Борисова И. М.** Графика поэзии Н. А. Некрасова [Электронный ресурс]: монография. Оренбург: ОГУ, 2017. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=485433> (дата обращения: 07.07.2019).
2. **Борисова И. М.** Курсив в прозе А. П. Чехова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11 (36). С. 4-9.
3. **Гинзбург Л.** Об одном пушкинском курсиве // Гинзбург Л. О старом и новом: статьи и очерки. Л.: Сов. писатель, 1982. С. 153-156.
4. **Ерёмина Л. И.** Графика как средство образности в произведениях Л. Н. Толстого // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 77-113.
5. **Захаров В. Н.** Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21-27.
6. **Письма И. С. Тургенева: И. С. Тургенев – Е. Е. Ламберт, 15 (27) июня 1861 г.** [Электронный ресурс]. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1859-1861/letter-456.htm> (дата обращения: 07.07.2019).
7. **Письма И. С. Тургенева: И. С. Тургенев – К. К. Случевскому, 14 (26) апреля 1862 г.** [Электронный ресурс]. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/pisma-1862-1864/letter-51.htm> (дата обращения: 07.07.2019).
8. **Тургенев И. С.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1981. Т. 7. 560 с.
9. **Фёдорова Е. В.** Визуально-стилевые особенности прозы Андрея Белого: дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2019. 219 с.
10. **Циц М. И.** Сюжетно-композиционные функции курсива в «Кроткой» Ф. М. Достоевского // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск: ПетрГУ, 1988. С. 103-109.

ITALICS IN I. S. TURGENEV'S NOVEL "FATHERS AND SONS"

Borisova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Orenburg State University
iragridneva7611@mail.ru

The article for the first time considers italics as a graphical means in I. S. Turgenev's novel "Fathers and Sons". The analysis has allowed the researcher to identify and describe the most frequent functions of italics in this literary work. The interaction of italics with other components of poetics is traced. Special attention is paid to studying the role of italics in the storyline and compositional structure of the novel and in its imaginative system. The findings lead to the conclusion that the writer uses italics to describe the basic social and political conflict and to express sympathy to his personages.

Key words and phrases: I. S. Turgenev; novel "Fathers and Sons"; graphics of fiction work; graphical means; italics; marking-out; functions of italics.

УДК 82; 7; 18:7.01

Дата поступления рукописи: 10.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.6>

В статье рассматривается интертекстуальный подтекст повести «Филиал» С. Довлатова. В задачу исследования входит проанализировать функционирование интертекстем, проявляющихся в повести на различных уровнях (как фабульном, так и текстуальном). Целью анализа является обнаружение связей между различными произведениями Довлатова, относящимися к разным функциональным стилям: публицистическому и стилю художественной литературы. В качестве сравнения для понимания процессов экспликации художественного замысла привлекаются эссе «Литература продолжается» и повесть «Филиал» Довлатова.

Ключевые слова и фразы: «Филиал»; Довлатов; автоинтертекст; интертекстуальность; публицистический стиль.

Власова Елизавета Алексеевна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
kealis@gmail.com

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ФИЛИАЛ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ

Проблема соотношения и конкуренции публицистических произведений с художественными представляет собой одну из острых и полемичных тем для современного литературоведения [11]. В творчестве Довлатова с его ярко выраженным (псевдо)документальным [1; 2; 12] характером эта тема приобретает особую актуальность. В интервью Дж. Глэду Довлатов признавался: «... тот жанр, в котором я... выступаю, это такой псевдодокументализм... я пишу псевдодокументальные истории, надеясь, что они время от времени вызывают ощущение реальности, что все это так и было, хотя фактически на сто процентов этого не было, это все выдуманно...» [3, с. 89].

Целью настоящего исследования является обнаружение смысловых трансформационных процессов, происходящих при превращении публицистического произведения в художественное. Таким образом, в задачу работы входит сравнение двух произведений Довлатова, относящихся к разным функциональным стилям, но имеющих схожую тематику. Неизбежно при таком сравнении возникает вопрос о взаимосвязи двух произведений, эксплицитно представленной на текстуальном уровне. Интертекстуальность как характерная черта довлатовской прозы неоднократно становилась предметом анализа и является **актуальным** направлением современного довлатоведения [1; 4; 5]. Особенностью настоящей работы является то, что в основе исследования находится малоизученный аспект интертекстуального характера довлатовской прозы, связанный с актуализированной автоинтертекстуальностью – эксплицитно выраженной связью между произведениями Довлатова.

Повесть «Филиал (Записки вездущего)» была написана в 1988 году в США и впервые опубликована в петербургском (ленинградском тогда) журнале «Звезда» (1989, № 10) [10]. Повесть выступает своеобразным художественным продолжением эссе «Литература продолжается», написанным С. Довлатовым для «Нового американца». В основе эссе и повести лежит описание конференции «Литература в эмиграции. Третья волна» (1981, май) [8]. Таким образом, события реальной конференции получили отражение в двух функциональных стилях – публицистическом в виде эссе (1982 год) и в художественной повести (1988 год).

Интертекстуальные переключки эссе и повести позволяют обнаружить направление творческой обработки (одних и тех же) событий, наметить ракурс субъективности, обеспечивающий большую объективность образа героя и человека.